

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Подарок Лилечки

Отойдя от окна и задернув штору, Лилия Васильевна заговорщицки подмигнула.

— Я давно хотела сделать вам, Вольдемар, сюрприз. Мы люди воспитанные, и я конечно, прекрасно понимаю, что вы думаете о нашей связи. Безусловно, вам скоро надоеет посещать меня, ведь вы молоды и не скованы узами брака. Решила как-то скрасить расставание, если оно произойдет. Совершенно пустячный сувенирчик, который, думается, скрепит дружбу и согреет ее. Он придется по сердцу, приятно насладиться свеженьким фруктом в компании единомышленников, я имею в виду некую девицу. Молоденькая, всего тринадцать годков, но опытная и от природы награждена щедро, просто чертенок, а не горничная.

Она у меня приходящей прислугой третий месяц, забавная девчушка, а в любовных делишках, скажу я, просто профессор. Знает абсолютно все, многое умеет и вдобавок, полная нимфоманка. Такой оргазм в прошлый раз выдала, что я перепугалась, уж не припадочная ли? Визжала и ногами колотила словно падучая случилась. Хотя что можно ожидать от охтинской девки, там у них веками публичные бабы селились, от них и потомство такое пошло. Как поближе познакомитесь, мне спасибо скажете, она такого вам про свое житье-бытье порасскажет, да о подвигах на полях битв амурных, что только диву даешься. Я, скажу без ложной скромности, за жизнь свою многого повидала, но за девицей мне не угнаться, сущая бестия.

В дверь зазвонили, Лилия Васильевна царственно прошествовала в коридорчик и загремела там замком. Никто и представить себе не мог, что полчаса назад, эта дородная высокая дама в золотом пенсне и застегнутом на все пуговицы темно-коричневом шерстяном платье была разнузданной любовницей, вытворявшей такие курбеты, о которых даже и не заикались у проституток в борделе.

Строгим голосом она принялась кому-то выговаривать в коридоре.

— Заставляете ждать себя, милочка, мы ведь уговаривались, что ты будешь к полудню приходить, а сейчас уже второй час.

— Матушка-барыня, Лилия Васильевна, не сердитуйте, у нас ведь и часов-то нет. Покуда дождешься как с Петропавловки пушка выпалит, так уже верно полдень, а пока до вас добежишь, время и проходит... — скороговоркой щебетал девичий голосок.

— Вечно ты оправдываешься, раньше надо из дома выходить...

— А у вас видно гости? Может я не ко времени? Так давайте я подожду на улице, если некстати...

— Кстати, кстати, проходи в гостиную. Вот познакомьтесь, Вольдемар, это моя приходящая горничная Фрося, я вам о ней только что рассказывала.

В дверях стояла худенькая темноволосая девица, небольшого росточка. Мелкие правильные черты лица, живые черные глаза-бусинки приятно гармонировали с аккуратной ситцевой кофточкой, обтягивавшей небольшие грудки. Смущенно отвернувшись и опустив голову, она прикрыла лицо краем платочка.

— Барыня, а где начать убираться? На кухне или в гостиной?

— погоди, погоди, куда торопишься. Присаживайся к столу, в ногах правды нет, чайку выпей, вот баранки свежие, варенье абрикосовое вкуснейшее, мне его из Крыма тетушка каждый год присылает.

— Дак, как-то навроде неудобно, мы ведь не баре какие, из фабричных, с вами за стол негоже садиться как-то...

— Будет, будет, можно подумать что никогда юношей не видала и чаю не пила. Садись и пей. Девушка присела на краешек стула, манерно оттопырив мизинец взяла предложенную чашку и отхлебнула глоток. Первое чувство скованности прошло, через несколько минут она осмелела и освоилась, запросто болтая с хозяйкой и мной.

— Вот Вольдемар не верит, что ты впервые познала любовь в юном возрасте, го-ворит, что ты обманываешь и на себя наговариваешь, чтобы считали повзрослее.

Сказать по правде разговора такого не было, но поддерживая хозяйку важно ки-ваю головой, напуская солидность.

— А какой мне резон врать-то, надувает в обиде губы девушка, — я вам, матушка-барыня, как на духу, всю правду завсегда рассказываю. Первым-то у меня был Петрушка Чернов, он сам из заводских, начинал в магазине на Гороховой, рас-сылным, только его выгнали за воровство, теперь он с фармазонами связался. Вот он меня к этому делу-то и приохотил, целку значит пробил... Сначала-то я побаивалась, все думала, что прибуьет или на панель пошлет, чтобы я уличной стала и деньги ему приносила, мы ведь без папеньки росли, его еще лет пять как на заводе бревнами придавило. Хозяин, дай Бог ему здоровья, денег на похороны дал, с квартиры заводской не прогнал. Так мы в ней и живем, матушка, две моих сестренки и братишка. Комнатка не больно большая, а сухая и теплая, даром, что подвальная, но мы за ней смотрим, каждый раз по весне белим и чистим. Ой, ма-тушка Лилия Васильевна, а можно я шоколаду выпью. Я до него ужас какая охотни-ца, да только где его задарма-то выпьешь, только вы и угощаете, да еще Кре-стовские. Но у вас он гуще и скуснее, так бы и пила целый день.

Продолжая болтать какую-то чепуху, она подошла к столу и налив большую чашку шоколада принялась его отхлебывать, дую на него, чтобы он остыл побыстрее.

— Да будет болтать, допивай скорее, пока суть да дело, иди-ка в спальню, да раздевайся. Молодой человек тебе любезность оказать желает. Хоть мылась сего-дня? А внизу-то побрился, как я третьего дня указывала? — Лилия Васильевна вы-валив наружу свою жирную грудь, защемила пальцами торчащий коричневый сосок.

— Ой, спрашиваете, я с понятием, при волосах как-то право страшно! Барыня Ли-лия Васильевна, а может мы не будем ложиться, Дак я барчука и на коленях смог-ла бы по хранцузски обслужить и вам бы видно было. А потом, вдругорядь, вам также на коленях полизала, чтобы облегчение пришло. А то ведь я вижу как вы маетесь, когда сами себе натираете. Мы ведь хоть и простые, а с понятием, что нужно людям ученым, да благородным...

— Да не торопитесь, Вольдемар, куда спешишь, златокудрый Феб. Какие вы моло-дые торопыжки. Погоди, она сейчас разденется, а тыними, сними противные кальсоны, сними их совсем. Фросенька, только посмотри, какой он у него, про-сто жеребец, а теперь повернись, покажи как он стоит... Погладь, погладь го-ловку-то, чтобы слезинка выступила, заслужил. Экий красавец, право слово, аж слюнки во рту набежали. Вот бы съесть его как деликатес... Нет, Вольдемар, вы не представляете, какое это счастье, разглядывать его вблизи, каждую жилку, каждую складочку, чувствовать крепость и горячность, зная, что он сейчас нач-нет буйствовать вглубине тела. Это дорогого стоит. Ты, Фрося, хоть и молода, но должна понимать, согласись, это прекрасно. Давайте, молодые люди, к трюмо, к трюмо поближе. Там

и посветлей и получше видно будет.

Я вошел в спальную и встал перед большим напольным зеркалом, при свете пас-мурного петербургского дня, в полированной поверхности отразилось изображение, но удивительно, я почему-то перестал воспринимать отражение как свое. Будто чья-то мужская фигура, странно знакомая, тем не менее, обнаженная с полувставшим «торчуном», худенькая девчонка стоящая перед ним на коленях, рука бесцеремонно мастурбировавшая его. Головка большая и сочная выступает из девичьего кулачка, лобок заросший курчавыми светлыми волосами, мешочек мошонки с поджавшимися в ожидании извержения семени яичками, передо мной как бы живая картина.

Рот девчонки полуоткрыт, язык от нетерпения и ожидания немного высунулся, словно готовится она принять влагу животворящую, которая с минуты на минуту брызнет из глубин. Мордашка у девицы премиленькая, грудка высвободилась из-под скромненькой льняной сорочки на тоненьких бретельках, розоватые сосочки напряглись от страсти. Пальцы бегают быстрее и быстрее, она старается приблизить момент извержения семени, облизывает пересохшие губы, ожидая, вопросительно повернув голову смотрит на Лилию Васильевну. — Барынька, а в рот-то можно? Али вы будете?

Но ответа нет. Престарелая развратница присев на край разобранной постели, запустила пятерню меж жирных ляжек и натирает клитор, закатив глаза от нахлынувшего желания. Зрелище было одновременно отталкивающим и привлекательным, но и оно возбудило меня до крайности, подумать только, мастурбировать на глазах у посторонних, а тем более с помощью молоденькой девки, с которой намеревался предаться любви... — Признайся, Вольдемар, вы когда-нибудь онанировали открыто перед дамой? — я покачал головой, — а я, признаюсь, грешна, частенько мастурбирую себе, особенно когда есть благодарный зритель. Представляете, как забавно, мужчинам весь-ма нравится моя открытость. Просто теряют голову, что же ты остановился, не тушуйся. А может Фрося что не так делает? Так ты ей помоги, несмышленной.

Девичьи пальчики соединились с моими и крепче охватили уже отвердевшую и вытянувшуюся трубку органа, я все смелее онанировал не отрывая взгляда от Лилечки, предававшейся наслаждению с большим пылом и страстью. Так и не получив ответа девчонка без конца облизывала пересохшие губы, ожидая желанного «лакомства» и в этот момент, помимо воли моей из вытянувшегося «жеребца» брызнула сперма, продолжая надрачивать, Фрося попыталась было поймать ртом белую густую струйку. Сперма забрызгивала ей рот, лицо. И тут, словно не выдержав, девчонка вцепилась пальцами в бедра и всосала «скакуна» в рот до конца, словно не желая, чтоб драгоценная влага пропала понапрасну. В зеркале было видно как по худенькому горлышку, совсем как у цыпленка, пробежала волна глотания, фаллос совсем без препятствия на всю длину вошел в рот. Головенка заходила взад и вперед, будто голодная пиявка, высасывающая всю до капельки кровь из жертвы, горячий и ловкий палец ее правой руки, раздвинув мне ягодицы, погрузился в анус. Такого я не ожидал, это было так совершенно ново и необычно. Совсем не готовый к такому повороту событий и возразить ничего не успел, так как от ласки таковой, послужившей дополнительным толчком, член во рту дернулся еще сильнее и излил последние, сокровенные капельки семени.

Девица замычала и с нежеланием выпустив член изо рта, быстро принялась целовать волосы в паху, бедра, мошонку, шепотом приговаривая слова нежности и ласки. Надо отдать

должное подарку Лилии Васильевны, он дорогого стоил.

Обмывшись, я вышел к дамам, следом за мной в туалетную незаметной мышкой юрк-нула Фрося. Накинув на голые плечи мундирчик, прошел к столу и налил немного горячего шоколада.

— Ну-с, Вольдемар, каков сюрприз? А что она еще может выделявать, ты представить даже не можешь. Что там марких де Сад и Монтень, в Древнем Риме место ее, в историю бы вошла. Проходи, проходи, Фрося, к столу присаживайся, вот чайку выпей, он еще не остыл, да халвы с баранками съешь. Ты ведь до них охотница, ешь, ешь, не стесняйся, заслужила...

Вольдемар, я смотрела на вашу любовь и понимала все лучше и лучше, как мне нужен твой член, сперма, весь жар и пламень любви. Ты, волшебник, любовью своей с Фросей, делаешь меня совсем девчонкой! Посмотри, как я хочу тебя! Ви-дишь? погоди, сейчас платье приподниму. Представляете, Вольдемар, она так чудно рассказывает о жизни своей, что никакому господину Куприну вместе с мужиком-грубияном Максимом Горьким, который о жизни народной пишут, не снилось. Расскажи, Фрося, что на прошлой неделе о себе поведала. Девочка прекратила хрустеть бубликами, отпила из чашки и смущенно пробормотала:

— Дык о чем говорить-то, матушка Лилия Васильевна, все уж рассказано... Разве вот о том как у меня это в первый раз было, с соседом нашим Иваном Петровичем. Он в аккурат над нами живет, тоже фабричный, только мастером на заводе, у них аж целых три комнаты и самовар ведерный. Насилу его наверх-то дотащишь... Он завсегда когда выпимши меня у ворот тискать принимался, а в этот раз дома не было никого. Отца уж два года как схоронили, а мать к тетке пошла, муки за-нять. Он завалился к нам уже пьяный в дымину, а я и обмерла со страху, пони-маю, что негоже, беда может случиться, только сил не было ни рукою, ни ногою шевельнуться, словно опоенная чем стала. Подошел ближе, схватил за ворот сара-фана и лапищами туда полез, мол убедиться хочу, что титьки уже выросли, если есть, то тогда и на работу на завод может взять, перед управляющим, мол, слово замолвит... Навалился на меня, ну думаю, вот она смертушка и пришла, раздавит и не заметит, он ведь меня прямо на пол повалил. Я головою о лавку ударилась, совсем разума лишилась. А он подол задрал, я летом-то завсегда без исподнего, хоть маменька и ругаются, и между ног давай чем-то горячим, да толстым шуро-вать. Я тогда понятие имела уже о мужчинах, да только кто знал, что со такое случится. Ежели бы он сразу сказал, что поеть собирается, я бы и легла поспо-собнее и заправила как надобно, половчее. А он знай свое, тычет и тычет, я хоть и маленькая была тогда, но представление уже об этом деле имела, видала как маменька с папенькой игрались, да и с ребятами иной раз баловались.

Да что я вам об этом, вы поди и сами знаете. Хотя у вас, у благородных, может быть как-то по особенному...

Дык вот. Сует он меж ног елду-то свою, молчит, сопит, а водкой от него рази-ло просто, чуть не сблевала тогда. Насилу удержалась, ужас как противно сдела-лось, напирает до невыносимости. Кричать боязно, сосед все-таки, да и рука у него тяжеленькая была, прибил бы и не поморщился. Прет и прет елдиной своей, второпях не угадал, в щель-то норовит попасть, а она у меня пониже. Сердце со-всем зашло, замерло, ну, думаю, как порвет наскрозь, совсем дура была не-смышленная, кое — как сообразила ноги поднять да животом низом подвигать, чтобы поспособнее значит стало.

Уж потом ума-то я набралась, как под мужчинкой располагаться надо, чтобы ему поспособнее было. Сосед поелозил, поелозил, дернулся и захрипел, чую он мне живот чем-то

горячим полил. Я с глупа-то подумала, что уссался он по пьяному делу, думаю как вылезти из-под него. Он тяжелый, словно медведь, так вместо того чтобы отпустить, схватил за косу и говорит, чтоб рот открыла. Только я его раскрыла, а он возьми и сунь «елдину» свою. Да ведь ни куда-нибудь, а прямехонько в рот. По первоначальному я и не знала, что делать, не то, что слово сказать или закричать, шевельнуться боюсь. Он смеяться зачал, смеется, да при-говаривает, соси мол, стервь, да посильнее, но чтобы зубами ни-ни. Ну, я со страху-то и давай наяривать, он и глазом моргнуть не успел, опять засопел, будто дрова колет, лицом красный сделался, глаза под лоб закатил и рот плеснул малофейкой-то.

Я теперича с понятием к малофье отношусь, а тогда дуреха молоденькая была, отпрянуть собралась, да куда там. Он за волосья крепко держал и глотать заста-вил, да я и сама поняла, что сглотнуть надо поскорее, а то ведь и захлебнуться недолго. По первоначальному-то тошнило, чуть не выблевала, все думала, что это он мне в рот насцал, чтобы поглумиться значит, это я теперича с понятием и вку-сом о этом деле-то. Знаю, что для здоровья очинно пользительно, семя мужское сглатывать, а тогда круглая дуреха была. Стою перед ним на коленях, вся соком перемазана мужским, плачу и трясусь, а осоед-то видать во вкус вошел, спиной меня повернул и опять к кровати толкает, чтобы я нагнулась, мол не наигрался ишшо. Я нагнулась, как они мне велели, так он возьми и зачни колотушку свою впихивать, да не куда-нибудь, а в менжу, в задницу то есть.

Мол ежели ты девица, то тебя мне портить нет никого настроения, мол, и до каторги доиграться так можно. Чую как он лезет внутрь, хоть и скользкий, да толстый. Ну, думаю, уж в энтот-то раз точно порвет все сзади. Голову в перину уткнула, зубами грызу, чтобы не закричать, а соседу хоть бы что. Ладно он и в энтот раз быстро закончил, не мучал больше.

Неделю на двор толком сходить не могла, так все болело и жгло, по улице так враскоряку и переваливалась. Маменька быстро об энтот прведала, да что она по-делать-то смогла. Дело-то сделалось. Она все по вечерам шептала, да причитала, а сосед, когда тверезый сделался, так добрым и внимательным стал, денюжки дал, аж целых два рубля серебром, чтобы я чего себе купила и молчала. Я уже тогда с понятием была, маменьке ничего не сказала, а денежки припрятала. А через две недели опять он игрица свои затеял, только мне уже не больно было, и я все стерпела. Даже не охнула, когда он меня сзади взял. А Петька, он в магазине на Гороховой разносчиком работал, мы с ним сызмальст-ва дружили, углядел, выблядок, как я с соседом баловалась, пригрозил, что все в полицию доложит. Сосед испугался, денег ему отвалил цельную пятерку, а со мной перестал играть. Вот я пошла в услужении работать. Где покормят, где денежку дадут, все в доме подспорье, а то маменька совсем из сил выбивается. Подружки зовут на проспект выйти, с уличными зачитца, мол денег больше зара-ботать можно, только Лилия Васильевна не велят. Они добрые, завсегда накормят, денег дадут, а если кто из знакомых внимание обратит или кому предложит, так мы завсегда согласные. Отчего не помочь доброму человеку. А уличные они завсе-гда плохо кончают или в больнице, или кого ножом коты ихние порежут...

Так что барыня, Лилия Васильевна, вы сверху будете нонче или мне за кавалера придется быть с вами? А то может молодому барчуку помочь какая нужна? Так мы с превеликим нашим удовольствием...

— Вольдемар, ты ей сначала языком, языком, ну, понимаешь где, она к этому очень чувствительна — томно зашептала прижимаясь престарелая Суламифь, — и да-вайте в постель, в постель и немедленно, а то словно дети малые и неразумные.

Девочка быстрехонько разделась, аккуратно повесила юбочку и кофту на спинку венского стула, легко легла на разобранную постель и лукаво улыгнувшись по-смотрела, будто приглашая, задрав вверх и разведя в стороны загольвишиеся ляжки. Я не заставил себя ждать, соколом взлетел на кровать, скрипнувшей пружинами и лег меж бедер девицы. Передо мной во всей «красе» предстала плоть молоденькой шлюшонки. Аккуратные большие половые губы, нежная растительность аккуратно подбритого лобка, бугорок набухающего розового от юной свежести клитора, раз-двинувшийся венчик бахромки блестящих уже увлажнившихся малых губок, теснинка совсем детского влагалища.

— Ох, барчук, какой он у вас, чисто Аника-воин в битве с супостатами. Ну, на-конец-то! — член с трудом протиснулся в плотную упругость влагалища девицы, — вы уж расстарьтесь, в меня не кончайте, а то Лилия Васильевна сердитоваться будут, что малофейку в меня вылили вдругорядь, а не на нее. Они ужас как это уважают, говорят для нее это первейшее лакомство и польза. Напрягшись, медлен-но начал движения «вверх-вниз», как было завещано предками нашими.

— Нет, нет, так дело не пойдет, — вмешалась неугомонная хозяйка квартиры, — а почему про меня вспоминают в последнюю очередь? Отчего ты не видишь, что у меня все горит? Я хочу. Иди ко мне — с этими словами Лилия Васильевна грузно легла рядом, матрац прогнулся, а кровать заскрипела. Хозяйка опрокинулась на-взничь, раскинув толстые бедра в стороны, в нос ударил запах женской плоти.

— А не желаете ли сзаду войти, а, господин Вольдемар? — вмешалась девчонка, я промолчал, не возражая открыть нечто новое в утехах с распущенной шлюшкой.

— Так не против? Вы только посмотрите, какая у меня замечательная дырочка по-зади, не сумлевайтесь, я не каждому туда даю, только тем кто к Лилии Васильев-не по-дружески относится... Давайте-ка я вам его быстрехонько вздрочу. А то вы устали, поди, когда я вам сосала. А потом, Бог даст, и матушке Лилии Ва-сильевне нашей вдругорядь радость сделаем? Ведь вы согласны, а барчук?

Она потянулась пунцовыми губками к восставшей плоти, облизав головку, не то-ропясь засунула в рот. Рот Фроси были горячим и сухим, язык, скользивший по коже просто обжигал, заставляя задерживать дыхание. На мгновение потеряв кон-троль чуть было не кончил, но девица почувствовав это приостановилась, а уж потом, дав возможность перетерпеть, продолжила минет, помогая время от времени языку ловкими пальчиками. Закончить с ней так и не удалось... Развратная Лилия Васильевна, даже не удосужившись как-то предупредить меня, страждущим от жажды путником припала к желанному источнику — девичьему лону. Молоденькая шлюшонка, не сдерживаясь, в полный голос истошно заголосила:

— Ой, миленькие, счас хорошо будет, ой, чую, чую! Вот так! Вот так! Ой, ба-рынька, да как вы ловко! Еще! Еще! Поглыбже! — я с трудом втиснул таки головку члена в щель Фросиных губ, которые наподобие удава-душителя принялись ритмич-но сжиматься и разжиматься, тело дергалось, совершенно не следуя толчкам, пружины кровати скрипели, при особенно сильных движениях. Лилия Васильевна встала на колени меж бедер раздвинутых Фроси и страстным поцелуем впиалась в щель половую, сосала жадно и со знанием дела, отчего девчонка изгибалась ду-гой, выпустив изо рта член, уже ничего не соображая, заверещала пронзительным голосом.

Удовлетворяя свою и Фросину страсть, осыпая поцелуями она погрузилась в глубо-кий омут

всеохватывающей страсти. Острые зубы закусил незрелую твердость де-вичьего соска, занывшего от наслаждения. Лилечка безостановочно облизывала ее длинным и проворным языком, двигаясь по коже груди, плеч, живота, задерживаясь в очаровательной воронке пупка. Наконец голова ее увенчанная пышной короной густых волос, скрылась в расщелине раскрытых худеньких бедер девчонки, стреми-тельный кончик языка засновал по обиженно надувшимся половым губкам Фроси, вы-лизывая до последней капельки сок, вытекающий из кратера молодого девичьего «вулкана». Вот губы Лили впились в бугорок клитора, тогда то и началось на-стоящее представление не оставившее меня в покое. Дыхание девицы стало шум-нее, она вскрикивала и постанывала, ноги, руки переплетались с какие-то фанта-стические фигуры, словно сошедшие с фресок Древней Греции или Рима.

Пальцы любовниц взаимно погружались во все складочки, дырочки, расщелинки, углубления. Это была не первая встреча, по тому как ловко и изощренно подстав-ляла девчонка тело и ухитрялась возбуждать в ответ неутомимую Лилечку. Ну как тут оставаться спокойным, не рассуждая, я плотнее охватил ладонью много-страдальный член и принялся мастурбировать, еще более усиливая великолепие этой нежданной встречи. В этот раз оргазм был только у Фроси. Я же с удивлени-ем лежал в стороне и разглядывал впервые открывшуюся передо мной картину жен-ской любви, о которой я конечно много слышал, но так близко видел впервые.

Лилия Васильевна ловко ласкала девицу пальцами, губами, не оставляя без вни-мания ни одну клеточку тела Фроси. Тонкие ручонки ее прижимали голову Лилии к лобку, плотнее прижимая ее губы к «требовательному» клитору и вновь забилась в экстазе, смачивая соками своим лицо искушенной любовницы. И опять мы отдыха-ли, лениво болтая о каких-то пустяках. Лилия Васильевна курила свою длинную египетскую пахитоску, в которую, как она призналась под большим секретом, до-бавляла немного опиия.

— Господи, ну что вы мужчины находите в этих чванливых молоденьких пустышках, претендующих на значимость и внимание? Среди нас, женщин, единицы, которые мо-гут с гордостью нести имя это женщина-любовница. Из ста человек только одна или две чего-то стоят. Разве могут остальные бабенки выполнить или воспроиз-вести что-нибудь из того, что мы с тобой пережили? А был ли у кого-нибудь из них хотя бы раз оргазм или даже что-то похожее? Да кто из них сможет прогло-тить сперму и не поперхнуться, а разве член кто-нибудь пропускал в горло? А груди? Нет, ты погляди, какие чувствительные соски. Ты сожми, сожми, чувству-ешь, какие они твердые? А кто из этих расфуфыренных обезьянок смог бы отдаться тебе в анус? Ну, скажи, было у тебя такое? А пробовал ли ты когда-нибудь это чудо доктора Фрейда — кокаин, да не в одиночестве, в постели, да еще с дама-ми? Нет? И ты молчал об этом?

Я думала, что поручик тебя давно с ним познакомил, оказывается все на меня перевалил, будто я учитель гимназический. А если ты с Фросей его понюхаешь? Совсем немного, чтобы иметь представление, погодите, сейчас я принесу.

Она скоро вернулась с маленькой коричневой коробочкой палисандрового дерева, отсыпав оттуда щепотку белого порошка протянула мне тонкую стеклянную трубоч-ку.

— Вставляй в одну ноздрю, вторую зажми и вдыхай, только осторожно, не сильно, не торопись.

Я в точности выполнил рекомендации «наставницы», во рту и носу сделалось как-то странно прохладно, голова стала будто стеклянной, тихая радость, постепенно делаясь все сильнее и

сильнее охватила мое тело. Девушка также втянула немного порошка через трубочку и заморгала глазенками испытывая, по-видимому, такое же ощущение как и я.

Как славно, что они не надели на себя эти дамские финтифлюшки, которые требуют много времени, опыта и внимания, чтобы их расстегнуть и снять, как только дамы ухитряются с этим справиться. Жирные тела Лилечки вывалились передо мной во всей «красе», хитрая девчонка, жеманно опустила глаза, будто дело не касалось ее совсем. Повернувшись спиной Лилия выпятила навстречу толстую задницу. Признаюсь, господа, это была королева любви, вдобавок к ее опыту немалым подспорьем был и какой-то особенно длинный клитор, который принимал самое тесное участие во всех проделках. Зрение стало особенным, я все четко видел, видел ее мясистые отвислые ляжки, с паутинкой синих вен, ослепительно белый жирный зад. Неожиданно для меня он вдруг стал расти на глазах, делаясь все больше и больше, белый и широкий он вдруг начал манить меня своей зазывной мягкостью и теплотой, щель меж ягодиц слегка приоткрылась. Лилия Васильевна стояла рядом с кроватью пригнувшись грудью к низенькой оттоманке перед зеркалом. А вот сзади-то я ее и не пробовал, а поручик рекомендовал — мелькнула с кружащейся голове мысль. Слез с кровати и подошел к ней сзади, Лилия кокетливо повернула ко мне голову:

— Ну, так чего же мы ждем? Надеюсь ты сообразишь сначала там языком приласкать? Или и этому вас, милостивый государь, учить придется?

Плоть хозяйки была мокрой, отвисшие большие половые губы и раскрывающаяся меж ними щель словно готовы были прямо-таки всосать головку в глубину. Лилия застыла и впилась ногтями в соски, одеревеневший, словно отмороженный язык мягко вошел в задний проход женщины, нос уткнулся в расщелину пышных ягодиц.

— Глубже, глубже, несмышлениш, — грудным низким голосом заворковала Лилия Васильевна, я ответил на просьбу без промедления, — а вот теперь погоди, погоди, хватит языком. Щекотун-то встал поди? Или никак не отойдешь? Замучили тебя сегодня дамы, не ожидал, поди, что прыть такую покажем? Тогда пусть Фрося фелляцио устроит, не лодырничай, Фрося, видишь, помощь молодому человеку требуется, а ты бездельничаешь. Справишься хорошо, так и тебе достанется. У Вольдемара с кокаином чудо как стоять будет, а уж про то чтобы кончить и думать забудь, часа три гонять будет, прежде чем сольет...

— Вы, барынька Лилия Васильевна, всегда слова какие-то непонятные иностранные говорите, а мы ведь не обученные языкам-то. Вы нам по-простому, я ведь понятливая, вы сами говорили... По-французски сосать что ли, барчуку, то есть? Так я всегда готовая, марафету не надо нюхать никакого, меня и так без него забирает, что память теряю...

— Вот видишь, поняла все как надо, давай, давай, соси ему, но чтобы он в тебя не кончил, ты ведь мои вкусы знаешь. Я хоть и хлебосольная хозяйка, но когда дело до семени мужского доходит, то тут уж миль пардон. Извините-подвиньтесь, самой едва — едва хватает, чтобы насладиться.

— Вы лягте на спину, барчук. Я сама вам все сделаю, не сумлевайтесь, у покойника подыму, мы всегда к этим делам способные были. Еще потом благодарить будете, ни у кого так ловко не получается, как у меня. И барынька, Лилия Васильевна, меня всегда хвалят...

Но это уже тема для другого рассказа...

Кстати, я сошелся с Фросей не менее четырех раз, перепало и Лилии Васильевне.